

И С Т О Р И Я

А.Л. КЛЕЙТМАН
(Волгоград)

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ГЕОДЕЗИСТЫ И ИХ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

Приведен обзор научной деятельности «петровских геодезистов» в Нижнем Поволжье. Описано, как первые прошедшие профессиональную подготовку отечественные специалисты проводили геодезические разработки и картографирование региона в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: «петровские геодезисты», Нижнее Поволжье, Астрахань, Царицын, И.К. Кирилов, В.Н. Татищев.

Важный этап экспедиционных исследований в Нижнем Поволжье был связан с деятельностью «петровских геодезистов» – первыми получивших профессиональную подготовку российских специалистов, способных проводить инструментальные съемки и картографирование местности. Обучение геодезистов велось в России, начиная с 1701 г. в Московской математико-навигационной школе, с 1715 г. – в Морской академии в Санкт-Петербурге. К концу 1710-х гг. сформировался штат специалистов, необходимый для начала реализации масштабного проекта по картографированию всей территории страны. Центром, координировавшим реализацию этого проекта, стал Сенат, а главным инициатором и руководителем геодезических и картографических работ выступил И.К. Кирилов.

9 декабря 1720 г. был принят указ, ознаменовавший начало систематического и планомерного проведения топографо-картографических работ, в соответствии с которым из Морской академии геодезисты были направлены в Московскую, Киевскую, Ниже-

городскую, Рижскую, Архангелогородскую и Казанскую губернии [13]. Еще до издания этого указа была начата топографическая съемка отдельных регионов, в том числе Астраханской губернии, где в 1720 г. уже вели работу четверо геодезистов: Игнатий Чичерин, Аверьян Тулубеев, Андрей Сипягин и Григорий Макаров [9, с. 6].

Геодезисты получали жалованье «по шти рубль человеку на месяц», «для разъездов» им предоставлялись ямские и уездные подводы. Контроль над их работой возлагался на губернаторов и воевод, которые должны были «за ними смотреть, чтоб они без дела не были и даром жалованья не брали» [16, л. 4].

При производстве полевых съемочных работ и при составлении карт геодезисты руководствовались двумя краткими инструкциями: инструкцией 1721 г., составленной профессором Морской академии А.Д. Фарварсоном, и инструкцией 1723 г., изданной Сенатом [9, с. 7]. В соответствии с этими инструкциями, приступая к съемке того или иного уезда, геодезисты обязаны были определить широту уездного города, а затем, двигаясь по дорогам, идущим от города к границам уезда, измерять расстояния между населенными пунктами и определять их широты. Измерение расстояний производилось с помощью железной «мерительной цепи» длиной в 30 сажень, а для определения горизонтальных углов и направлений пользовались астролябией с диоптрами и компасом. Ситуация наносилась засечками или на основании расспросных данных. Допускалось широкое использование «сказок», т.е. показаний местных жителей, но рекомендовалось вносить в полученные путем опроса сведения исправления в зависимости от разницы, получающейся при сопоставлении отдельных «сказок» с данными произведенного измерения. Геодезисты обязаны были вносить в ландкарты города, села, деревни, крепости, валы, засеки, мельницы, дороги, леса, горы, реки, озера, болота, каналы, шлюзы и т.д. [9, с. 8–9; 16, л. 52–54].

Как свидетельствуют документы второй половины 1720-х – начала 1730-х гг., в отдельных регионах, представлявших особый интерес для Сената, геодезистам поручалось соби-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Материалы научных экспедиций XVIII в. – начала XIX в. в Нижнем Поволжье как источники по истории региона», проект № 10-01-20111а/В.

рать более подробную информацию об описываемых ими территориях. Так, в сенатском указе 1728 г. геодезистам, работавшим в Сибири, было поручено «не токмо жилие русских, но и кочевье тамошняго народа назначивать и журналы иметь, и из них экстракты к ландкартам прилагать, какие где народы и каких вер, и чем питаются, и какой где хлеб родится или не родится, и о прочем, что прилично к географическому описанию» [14]. Как отмечала М.Г. Новлянская, «в инструкции, данной геодезистам М. Сметьеву и А. Жихманову 25 июля 1731 г., И.К. Кириллов вновь подтвердил настоятельную необходимость снабжать карты краткими описаниями. Он рекомендовал описывать города, пригороды, села и деревни, “в коих есть торги и ярмарки”, указывая, какого строения (каменного, деревянного или земляного) описываемый город, “какие торги, промыслы или заводы в нем имеются”, “ибо, – писал он, – хотя в ландкартах означаются города, слободы, села и деревни, однако без описания неизвестно, что есть в них знатное и к ведению достойное”» [9, с. 11]. Подобных инструкций для геодезистов, работавших в Нижнем Поволжье, пока обнаружить не удалось. Как представляется, их могло и не быть: по-видимому, основной целью работы геодезистов в Астраханской губернии было проведение собственно топографических съемок, поскольку более детальная информация по географии и экономике края могла постоянно поступать в Сенат из Астрахани, где находилось достаточное количество людей, которые могли проводить сбор подобных сведений, а также из других городов региона – Царицына, Черного Яра, Дмитровска, Саратова и др.

Реализация проекта по проведению геодезических съемок и составлению уездных карт в масштабах всей страны вызвала затруднения, поскольку к началу 1725 г., т.е. спустя четыре года после начала работ, в Сенат было прислано всего 30 уездных ландкарт (из 291). В связи с этим в 1725 г. из Сената по губерниям и провинциям были разосланы «подтвердительные указы», в которых губернаторам и воеводам, на местах контролировавшим работу геодезистов, предписывалось тех геодезистов, которые закончили работу по составлению карт, срочно отправить в Санкт-Петербург, остальным было поручено в «немедленном времени» заканчивать ландкарты. Губернаторам и воеводам предписывалось, «пока [геодезисты] тех ландкарт не окончат, им... жалованья не

давать, а давать толко для пропитания солдатской корм. И по сочинении тех ландкарт потому ж их выслать в Санкт Питербурх в Сенат немедленно» [16, л. 182]. За два последующих года приток ландкарт из губерний и провинций несколько увеличился: к 1727 г. в Сенат была прислана 51 ландкарта [6, с. 113].

В Астраханской губернии работа геодезистов продвигалась быстрее, чем во многих других регионах страны: в 1724 г. Григорий Макаров и Игнатий Чичерин были отправлены в Москву [9, с. 68], а уже в 1726 г. Аверкий Тулубеев и Андрей Сипягин представили в Сенат и Камер-Коллегию составленную ими ландкарту губернии [7, с. 439].

Уездные карты, легшие в основу губернских ландкарт, как и другие документы геодезистов – «сказки» местных жителей, описания населенных пунктов и т. п., до настоящего времени практически не сохранились. В отделе рукописей библиотеки Академии наук сохранилась коллекция из 63 рукописных карт уездов первых петровских геодезистов, но это лишь небольшая часть тех карт, которые были составлены в ходе губернских съемок, и среди них нет карт провинций Астраханской губернии [18, с. 296].

В отделе картографии БАН в двух экземплярах сохранилась гравированная карта Волги от Саратова до устья, составленная на основе топографических съемок, произведенных в Астраханской губернии в начале 1720-х гг.: «Карта Волги реки отсаратова доморскова устья: Также где Астраханское црство аныне губернаторская резиденция иприсудственныя города саратов дмитриевск прикамышенке сообъявлением прежде бывшей слюзной работы для комуникации изволги вдон аиздону вволгу царицын: от которого в 17 г. командированными полками подкомандою генерала маеора кропотова зделана линия дореки дону, счетырьмя крепостями итем незапныя кубанских татар набеги пресечены. Городок селитерной красной яр ився протока называемая река Ахтуба прикоторой довледения росийского золотая орда жительство имела ипоныне имеютца каменного строения многия знаки: степь покоторой главное кочевье калмыцкого хана с калмыками иастраханских юртовых татар: дорога землю креке терку где имеют гребенские казаки 4 городка также вместо города Терек изкоего переведены жители хкрепости святого креста; 6 зделанная малая крепость терки: всих местах пореке волге аособливо вустях морских вучюгах великое

множество рыбы осетров, белуг, стерлядей и иных икры клею также соли самосаду и отпускают великими волскими судами: верховные города описывали и рисовали геодезисты аверкий тулубеев с товарищи, в российской атлас внес Иван Кирилов. Грыдоровал в москве алексий зубов» [11].

Как выявила М.Г. Новлянская, название карты дословно совпадает с частью текста описания Астраханской губернии из книги И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» [9, с. 67]. На карту нанесены острова на Волге, указаны их названия, озера, реки, в том числе небольшие (Елшанка, Тишена, Мемзеновка и др.), отмечены населенные пункты (крепости обозначены буквой «К»: «к: мечотна» и т.д.), отражен план Царицынской укрепленной линии с крепостями на ней. Схематично отражены рельеф и растительность. Отдельно нанесен план места строительства Волго-Донского канала, на котором показаны течения Камышинки и Иловли, в трех местах отмечены «слюзы», под чертой, соединяющей Иловлю с Камышинкой, сделана надпись: «Перекопъ была назначена».

Важным итогом деятельности И.К. Кирилова по картографированию территории Российской империи стал выход в свет первой генеральной карты России и первого российского печатного географического атласа в 1734 г., в которые вошли карты Астраханской губернии, составленные по результатам съемок 1720-х гг. В этом же году он оставил пост обер-секретаря Сената, возглавил Оренбургскую экспедицию, но продолжал координировать работу геодезистов. Как полагал И.К. Кирилов, после публикации первой генеральной карты и атласа губернские работы геодезистов должны были вестись, во-первых, в тех местах, которые еще не были охвачены съемками, во-вторых, там, где требовалось исправление существующих ландкарт. Кроме того, для исправления генеральной карты он предложил сделать «два верные описания с подлинною мерою»: первое «описание» по судоходным большим рекам: Волге, Оке, Северной Двине, Днепру, Дону, Каме и др.; второе – по большим проезжим дорогам. Затем И.К. Кирилов предполагал поручить геодезистам точную съемку уездных и провинциальных границ, внутри которых содержание можно было бы наносить с уже имеющихся ландкарт [3, с. 133; 6, с. 121].

По-видимому, до смерти И.К. Кирилова в 1737 г. новых топографических съемок земель по нижнему течению Волги предпринято так и не было. До настоящего времени в отделе рукописей БАН, где хранятся карты, составленные под его руководством, сохранилась рукописная «Ландкарта р. Волги от Царицына до Астрахани», датируемая 1736 г. [3, с. 133; 9], но, на наш взгляд, она не была основана на новых съемках течения реки и была составлена не для уточнения и дополнения имевшихся по региону сведений, а для иных целей: на ней были указаны два городка, строительство которых было намечено между Астраханью и Царицыном. Подтверждает это и надпись на обороте карты: «копия чертежа..., принесенная с Военной коллегии мая 11 1736 году, а оригинальной такой чертеж остался в Военной коллегии при указе» [9].

Новый этап в деятельности петровских геодезистов и в истории экспедиционных исследований Нижневолжского региона начался в 1737 г., когда после смерти И.К. Кирилова обязанность координировать работы по составлению карт российских регионов была возложена на В.Н. Татищева. Как точно отметил М.Г. Новлянская, «приняв на себя руководство Оренбургской экспедицией, Татищев начал свою деятельность с того, что признал всю работу, проделанную геодезистами под руководством Кирилова, неудовлетворительной, а сочиненные ими карты и журналы неправильными...» [10, с. 129].

В доношении, отправленном в Сенат 26 апреля 1737 г., В.Н. Татищев предлагал разослать по всем губерниям «искуснейших в геодезии» «географов в ранке капитанов», чтобы они выявили те ошибки, которые были допущены в составленных ранее картах, и подготовили новые исправные карты губерний. В.Н. Татищев составил новую инструкцию офицерам геодезии, в которой подробно описал методы производства съемочных работ и астрономических определений, дал конкретные указания о содержании ландкарт и сборе географических и исторических сведений. В 1737–1738 гг. в соответствии с новой инструкцией геодезисты начали вести работу в Казанской, Сибирской и «Мунгальской или Иркутской» губерниях.

В.Н. Татищев принял решение составить новые карты Нижнего Поволжья: известны письма историка, адресованные И.А. Корфу, президенту Академии наук, в которых он отмечал, что в связи с тем, что до сих пор не

существует правильных карт Волги, он поручил капитану Эльтону провести геодезическую съемку берегов реки от Царицына вверх до Симбирска [17, с. 262]. В 1737 г. капитан Эльтон произвел новые съемки и составил карту течения Волги от Сызрани до Царицына, сохранившуюся в отделе рукописей БАН [1].

По инициативе и под руководством В.Н. Татищева, который в 1741–1745 гг. проживал в Астрахани, в конце 1730-х – начале 1740-х гг. в Астраханской губернии проводился ряд других географических исследований, история которых до настоящего времени практически не подвергалась специальному изучению. Известно, что Татищев составил географическое описание Астраханской губернии и соседних с ней территорий. Как отмечал А.И. Андреев, данное сочинение, «кажется в неполном виде», В.Н. Татищев отправил в Сенат, но до конца своего пребывания в Астрахани (17 ноября 1745 г.) ответа так и не получил. Дальнейшая судьба этого труда остается невыясненной до наших дней [2, с. 28].

Как недавно установила Е.В. Гусарова, благодаря организаторской деятельности В.Н. Татищева в начале 1740-х гг. в Астрахань были присланы несколько геодезистов и рисовальщиков, «выполнивших здесь под его руководством немало любопытнейших работ» [5, с. 168]. По мнению исследовательницы, именно по инициативе губернатора в 1742 г. академическим рисовальщиком Михаилом Некрасовым была выполнена панорама Астрахани, вошедшая в составленный в 1770-х гг. сборник иллюстраций и планов городов Сибири и Поволжья «Собрание Российских и Сибирских городов» (Там же, с. 164–165). В 1745 г. «несомненно по инициативе В.Н. Татищева» [4, с. 52] геодезист Степан Чичагов составил так называемую «Ландкарту 1745 году» [12], на которой помимо течения рек Северного Прикаспия были нанесены низовья Волги, Ахтуба, Большой и Малый Узени, Яик. По мнению Е.В. Гусаровой, данная карта является примером «живучести “старомосковской” традиции в русской картографии XVIII в.»: «С трогательной наивностью ... автор нанес множество значков-изображений: барханов в Рын-песках, бугров вдоль русла Волги, деревьев в поймах рек, камышей у озер и на взморье. Образовавшееся “узорочье” дополняется роскошным “виноградным орнаментом на рамках”». И даже такие «научные

составляющие, как компасная катушка... не разрушают впечатления изысканного графического кружева, составляют дополнительный декоративный эффект» [5, с. 160].

Помимо картографирования региона под руководством И.К. Кирилова и В.Н. Татищева в 1720–1740-х гг. в Нижнем Поволжье проводился еще ряд геодезических работ и географических исследований, сведения о которых содержатся в сохранившихся архивных документах. Как установил С.Е. Фель, в 1722 г. петровские геодезисты провели измерения дорог от Москвы до Царицына и установили верстовые столбы [18, с. 294].

В 1730–1740-х гг. в междуречье Волги и Дона предпринимались экспедиции для поиска мест, пригодных для заселения и хозяйственного освоения. С.Е. Фель обнаружил в фонде Сената документы о снаряжении в 1737 г. геодезистов Ивана Ханькова и Федора Григорова на Царицынскую линию, которые под руководством коменданта г. Царицына полковника Кольцова совместно с инженерными офицерами должны были описать район, «расположенный в кольце Саратов – Царицын – р. Дон – Новохоперск – Саратов, предназначенный для заселения». Внимание исследователя привлекла курьезная ситуация с закупкой необходимого для геодезистов оборудования, свидетельствующая о плохой организации снабжения, бюрократической волоките, создававшей постоянные препятствия работе первых российских геодезистов (Там же, с. 277–280). В 1738 г. велась организация еще одной геодезической экспедиции в район Царицынской укрепленной линии.

В архиве Военно-морского флота среди документов 1760 г. сохранилась выписка из более ранних документов Адмиралтейской коллегии, в которой описан процесс подготовки к данной экспедиции: «В прошлом 1738 года июля 31 дня по указу правительствующего сената велено для ноискарейшаго описания по имянному Ея императорскаго величества указу лежащих около Царицынской линии мест из Адмиралтейской коллегии прислать из морских офицеров 2-х лейтенантов и при них по одному мичману искусных и то дело знающих людей и с ними при каждом по 2 человека геодезии учеников из морской академии да с ними отпустить пель компасы от Адмиралтейства ж. И по силе онаго указа при доношении от коллегии Адмиралтейской августа 9 дня для означенного

описания мест по наилучшему в должности знанию представлены были из морских лейтенантов что ныне господин контр адмирал Нагаев и Михайло Пронищев, да и мичманов Леондей Щелин, Алексей Ярославов» [15, л. 30 – 30 об.]. 12 августа из Сената поступил новый указ, согласно которому лейтенанты Нагаев и Пронищев должны были остаться при Адмиралтейств-коллегии, а их необходимо было заменить другими достойными офицерами. 28 сентября «Григорий Бахметьев, Воин Римской Корсаков да при них прежде определенные мичманы Щелин и Ярославов да геодезии ученики Еремей Владыкин, Иван Буланов, Иван Шестимеров, Авраам Пасынков» прибыли в Сенат. Однако спустя всего две недели, 14 октября, в Сенате приняли новое решение: «по указу Сената оных лейтенантов и мичманов по состоянию тогда последнего осеннего времени до февраля месяца будущего 1739 года посылать не велено при чем оные в коллегию и присланы были обратно» (курсив мой. – А.К.), но «чтоб та опись вовсе остаца, но с лучшим успехом следовать могла, того для отправлено тогда как наискорее из вышеписанных геодези-учеников 4-х человек, которые разделясь ехать на четыре партии и описывать токмо берегам рек и положение тех рек чинить им как возможно тогдашнею осенью и наступающей зимою. И при том назначивать устья рек впадающих в Волги и в Дон и опись чинить чрез пель компас» [15, л. 30 об. – 31]. 19 октября из Адмиралтейств-коллегии были отправлены необходимые пель-компасы, и ученики Морской академии, по-видимому, отправились к Царицынской линии. О ходе их путешествия, как и о результатах их деятельности, сведений не сохранилось.

6 февраля 1739 г. лейтенанты Бахметьев и Римский-Корсаков, мичманы Щелин и Ярославов вновь были направлены в Сенат. Отправились ли они в столь долго планировавшуюся экспедицию, каковы были результаты их работы в Нижнем Поволжье, автор выписки 1760 г. сведений не имел, и обнаружить эту информацию в других источниках также не удалось.

Важным итогом многолетних топографических и геодезических исследований в Российской империи, картографирования территории страны стала публикация в 1745 г. «Атласа Российского», в который вошли две карты, посвященные интересующему нас регио-

ну: «Течение реки Волги от Самары до Царицына» и «Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и остальную часть реки Волги с ее устьем». Несмотря на то, что работу над атласом вели авторитетные отечественные ученые, при его подготовке был задействован широкий пласт имевшихся на тот момент картографических материалов, он изобилдовал ошибками и недочетами [3, с. 57].

Однако составление нового атласа, уточнение имевшихся карт требовали проведения новой экспедиционной кампании по территории России, на реализацию которой, как почитало руководство Академии наук, в 1740-х гг. не было средств. В.Ф. Гнучева отмечала: «разнообразные картографические работы, связанные с межеванием земель, также пришли в упадок и уже не давали новых картографических материалов. Не перестававший собирать карты В.Н. Татищев к 1745 г. отходит от дел и удаляется в свое имение. Экспедиции долго не возобновляются, так как огромные суммы, израсходованные на Камычатские экспедиции Беринга, по мнению некоторых видных деятелей того времени, считались потраченными без пользы» [3, с. 59].

1740–1750-е гг. стали периодом приостановки экспедиционных исследований, которые активно велись в России на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Новые экспедиции, во многом по инициативе М.В. Ломоносова, стали организовываться в 1760-х гг., но их цели, ход работы во многом отличались от экспедиций предшествующего времени, что дает основания исследователям считать середину XVIII в. своеобразным рубежом в истории экспедиционного изучения территории Российской империи в целом и Нижнего Поволжья в том числе.

Литература

1. Cours de la riviere de Volga depuis Sisran jusqua Zarizin, dressee par mons la capitaine Elton en 1737 (Карта течения р. Волги от Сызрани до Царицына. Составил кап. Эльтон в 1737 г.) // Отдел рукописей Библиотеки Академии наук. № 697.
2. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по географии России // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
3. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.–Л., 1946.

4. Гусарова Е.В. «Астраханские» материалы из картографического собрания ОР БАН // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2006.

5. Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб. : Нестор-История, 2009.

6. Евтеев О.А. Первые русские геодезисты и их работы по созданию генеральной карты России : дис. ... канд. геогр. наук. М., 1953.

7. Иванов П.И. Обзорение геодезических работ в России со времени Императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской Империи в 1746 году // Записки Императорского Русского географического общества / под ред. Д.А. Милютин. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1853. Кн. IX.

8. Ландкарта р. Волги от Царицына до Астрахани, 1736 г. // ОР БАН. № 696.

9. Новлянская М.Г. И. К. Кириллов и его атлас Всероссийской империи. М.–Л., 1958.

10. Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кириллов. Географ XVIII века. М.–Л., 1964.

11. Отдел картографии БАН.

12. ОР БАН. Картографическое собрание. Оп. Осн. № 68.

13. Полное собрание законов (ПСЗ). Т. VI. № 3682.

14. ПСЗ. Т. VIII. № 5320.

15. Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1760. Ед. хр. 5. Л. 30–30 об.

16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 1201.

17. Татищев В.Н. Письмо И.А. Корфу. 16 окт. 1737 г. // Записки. Письма. 1717–1750 годы / В.Н. Татищев. М., 1990.

18. Фель С.Е. Картография России XVIII века (опыт исследования) : дис. ... д-ра техн. наук. М., 1951.

First Russian surveyors and their contribution to investigation of the history and geography of Nizhny Volga region

There is given the survey of the scientific work of "Petrovsky surveyors" in the Nizhny Volga region. There is described how first Russian specialists, who had been professionally trained, carried out geodesic developments and mapping of the region in the first half of the XVIII century.

Key words: "Petrovsky surveyors", Nizhny Volga region, Astrakhan, Tsaritsyn, I.K.Kirillov, V.N.Tatishchev.

А.Е. УЛЬЯНОВ
(Пенза)

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ПОМЕЩИЧЬЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ТЯГЛОВОЙ СИЛОЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается обеспеченность помещичьего и крестьянского хозяйств Пензенской губернии тягловой силой. В сравнении с общероссийскими данными приводятся сведения об общем числе лошадей в губернии, их количестве у крестьян и помещиков, динамике их численности, о наличии в регионе безлошадных хозяйств, причины недостаточного роста поголовья лошадей в последней четверти XIX – начале XX в.

Ключевые слова: *крестьянское хозяйство, помещичье хозяйство, тягловая сила, рабочий скот, обеспеченность, динамика.*

Общеизвестным является тот факт, что в пореформенное время, особенно в конце 1870-х – начале 1880-х гг., в России крайне обострился аграрный вопрос. В это время «он стал основной, узловым темой практически всех экономических и политических дискуссий современников» [10, с. 75]. Суть проблемы сводилась к тому, что крестьянскому населению страны не хватало земли для нормального ведения хозяйства, и касалось это не только зернового производства, но и животноводства. С подобной проблемой, естественно, столкнулись и крестьяне Пензенской губернии.

В рассматриваемом регионе животноводство было развито намного меньше, нежели земледелие, и не имело ярко выраженного товарного значения, служа (особенно у крестьян) главным образом для собственного потребления, т.к. в Центральной России условия для развития скотоводства были довольно неблагоприятными [8, с. 214]. В кратком статистическом описании Саранского уезда, относящемся к середине XIX в., даже говорилось, что «по наименованию пастбищ, скот вообще мелочь» [5]. Источники, датированные концом XIX в., также содержат сведения о том, что животноводство в Пензенской губернии «развито сравнительно слабо» [4]. Вместе с тем оно было вторым по важности после полевого земледелия компонентом и крестьянского, и помещичьего хозяйств. Более того, без этой